

ГЛАВА 1

Педант (сущ.) пе-дант

1. Человек, лишенный воображения и без надобности приверженный деталям в объяснении и использовании знаний.

2. Хвастающийся знаниями.

3. Формалист в обучении, придерживающийся точных методов;

(устар.) учитель мужского пола.*

Ли́ла

— Что-что он сказал?

Ли́ла Картрайт поражалась невероятному, просто фантастическому высокомерию этого человека. Похоже, Рис Обри считал вполне приемлемым доводить людей до слез. Такая наглость даже впечатляла.

Она взглянула на студентов, сбившихся в кучку на диванчике; одна из девушек сжимала в руках промокшую салфетку, другая придвинулась к ней, будто надеясь согреть подругу своим теплом. Мальчик, Девон, так крепко вцепился в ее хрупкую фарфоровую чашку, что Ли́ла начала мысленно перебирать содержимое аптечки в нижнем ящике стола на случай, если чашка треснет в его руках.

— Мистер Обри сказал, что, если мы хотим стать настоящими историками, мы должны иметь свое мнение,

* В русский язык слово пришло из французского, от *pédant* — учитель (мужского пола). *Здесь и далее примечания переводчика.*

а не глотать, переваривать и выплевывать фрагменты учебников, не понимая их истинного смысла, — задумчиво произнес Девон.

Девушки закивали.

— Ясно. — Лила дипломатично улыбнулась.

— Но дело не только в этом, — заметила Ада, одна из студенток. — А в том, как он с нами разговаривает и как на нас смотрит. Как будто ему жалко тратить на нас время. Как будто мы червяки какие-то.

Лила похолодела:

— Он назвал вас червяками?

Ада покачала головой:

— Нет. Но он так думает. Я уверена.

— Ясно. — Лила потянулась к коробке с салфетками и предложила ребятам взять по одной. — Во-первых, спасибо, что поделились этим со мной, я понимаю, как вам нелегко. Вы поступили очень смело.

— Он уже не в первый раз доводит Керри до слез. — Девон указал на девушку с промокшей салфеткой. — В этот раз набросился на нее, потому что ему не понравился шрифт, который она использовала для сочинения.

Ну надо же, какой редкостный осел этот Рис Обри, несмотря на его роскошный волевой подбородок и всегда идеальную прическу. Кому есть дело до дурацких шрифтов?

Лила наклонилась вперед для усиления контакта со студентами: так советовали во всех умных книжках.

— Студенты не должны уходить с семинаров в расстроенных чувствах, вы это понимаете?

Ребята с облегчением переглянулись. Хотя Лиле отчаянно хотелось им помочь, она прикидывала, как распланировать день, чтобы успеть сделать ту работу, за которую ей платили.

Впрочем, ей некого было винить, кроме себя. Если бы она не хотела, чтобы люди приходили к ней в кабинет и делились своими проблемами, она не стала бы создавать в нем

столь располагающую обстановку. Подушечки на диване и стульях, чайник со свежесваренным чаем, фарфоровые чашки и блюда на маленьком кофейном столике — ведь все это было необязательным. Как и заманчивый запах печенья с шоколадной крошкой, которое хранилось в жестяной банке и лишь прибавляло привлекательности ее кабинету.

Но стоило ли жаловаться? Это ее работа. Вроде как. Будучи координатором исторической кафедры, она считала своим долгом выслушивать проблемы студентов и быть им старшей сестрой в первый год разлуки с родными мамочками. Конечно, эти обязанности не были прописаны в должностной инструкции, и технически общение со студентами не входило в ее обязанности, но разве она могла не пустить их, когда они вваливались в ее кабинет в слезах, потому что один из ее коллег — преподаватель ее кафедры — ужасно обращался с ними на семинаре?

Лила попыталась вспомнить, чему их учили на эйчар-тренинге в этом году.

— Тут можно поступить по-разному, — сказала она. — Можно попробовать решить проблему официальным или неофициальным способом. Выбор за вами, я поддержу ваше решение. — Она сочувственно улыбнулась. — Если захотите подать официальную жалобу, я подробно объясню, как это сделать. Но вы также можете попросить меня разобраться с Обри... неофициально.

Студенты настороженно переглянулись.

— А что значит «неофициально»? — спросила Керри и шмыгнула носом.

Лила замялась, по-прежнему широко улыбаясь. В этом крылась ее главная проблема. Она фонтанировала спонтанными идеями, но потом не знала, что с ними делать. Однажды она подписалась на участие в благотворительном веломарафоне, но забыла, что не умеет кататься на велосипеде. Ей просто очень хотелось внести свой вклад в благое дело.

В другой раз она заставила друзей тащиться в Хей-он-Уай* на книжный фестиваль, но не забронировала жилье заранее, и им пришлось снять жутко дорогой люкс для ноблелюбных в очень романтичном загородном отеле в Билт-Уэллсе**.

— Мы можем договориться о проведении ваших семинаров у меня в кабинете.

Не идеальное решение, но студенты получают необходимую поддержку, а Рис — пинок под зад, который, возможно, заставит его исправиться.

— Вас не так уж много, все поместится, и я буду присутствовать, но лишь как наблюдатель. Назовем это семинарами с частичной супервизией, — сказала Лила.

Она попыталась вспомнить, о чем говорилось в университетском учебнике для эйчаров.

— Я также могу посоветовать Рису пройти наши внутренние обучающие курсы. Конечно, я не могу его заставить, но убедить попробую.

В открытую дверь резко постучали — Лила вздрогнула. Керри — девушка с промокшей салфеткой — поморщилась, заглянув Лиле через плечо.

— Мисс Картрайт, я вас не прерываю? — мягкий южно-валлийский акцент Риса Обри был не в силах скрыть его напряженный обвинительный тон. И что за «мисс Картрайт»? Она же не учительница начальных классов. Хотя ей понравилось, как он произнес ее имя.

— Рис. — Лила встала и подошла к нему. Заулыбалась шире. Трудно быть ослом, когда к тебе относятся по-доброму. Это была ее философия. — Чем могу помочь?

* Маленький город в Уэльсе, где с 1988 года проводится ежегодный литературный фестиваль, из-за чего Хей-он-Уай прозвали «книжным городком».

** Билт-Уэллс находится в тридцати двух километрах от Хей-он-Уая.

— Что у вас тут происходит? — Он смерил взглядом всех студентов по очереди.

Лила отругала себя за то, что оставила дверь открытой, — ошибка новичка! Ее старый кабинет на кафедре политологии находился в конце коридора, но этот-то был посередине, и люди постоянно ходили туда-сюда.

— Дружески беседуем, Рис. — Она сделала шаг ему навстречу, одновременно пытаясь выставить его в коридор и загораживая собой студентов. Но он не шевелился — стоял в напряженной позе, сложив руки на груди, необычайно широкой для преподавателя истории. Наверное, в своем Уэльсе он играл в регби. Это же их национальный спорт.

— Дружески беседуете? С Девонем и... — Он рассеянно махнул на Керри и Аду. Господи, он даже имен их не помнил! — Двумя другими из моей группы.

— Да, — бодро подтвердила она. — А вы шли к себе? Я взгляну к вам поговорить, когда закончу свои дела.

Услышав столь недвусмысленный намек, что ему пора убираться, Рис перевел внимание со студентов на нее и прищурил карие глаза. Его аккуратно причесанные темно-каштановые волосы были коротко пострижены на висках и мягкой волной ниспадали на лоб; волевой подбородок напругся, когда их взгляды встретились. Лила не отвела глаз, хотя у нее заболела шея оттого, что приходилось смотреть на него снизу вверх. Он был во всех отношениях больше ее: и плечи у него были шире, и ноги толще, и руки здоровенные и сильные — он, наверное, запросто крошил пальцами грецкие орехи.

Рис Обри, видимо, привык, что последнее слово остается за ним и люди идут на попятный, если долго сверлить их взглядом. Но сейчас он был на ее территории, и она чувствовала свое преимущество в этой игре в гляделки.

Она досчитала до пяти. У нее заныли скулы.

— Хорошо. Буду ждать вас в своем кабинете, мисс Картрайт.

Бросив безразличный взгляд на студентов, Рис вышел за дверь, двигаясь весьма грациозно для такого здоровяка.

Лила ошерилась. Ну и ослина! Ей, конечно, и прежде приходилось иметь с ним дело, но вскользь и в нейтральной обстановке. Сейчас же он даже не пытался скрыть самодовольное пренебрежение, что прежде маскировалось вежливой гримасой. Неужели тщеславие настолько его ослепило, что он утратил остатки человечности?

А вдруг он и не человек вовсе? Может, он из расы скользких жаболюдей, у которых эмпатия развивается только к срока годам. Как знать.

Между студентами тем временем, кажется, происходило телепатическое общение.

— Нам не нужны неприятности, — сказала Ада, — но так больше продолжаться не может.

— Даже не думайте, что у меня или у вас будут неприятности. Уверяю, вам ничего не грозит, — успокоила их Лила, садясь на место.

Если студенты решат подать на Риса официальную жалобу, она не сможет им помешать. Хотя, возможно, Рис просто не успел выпить кофе перед утренним семинаром и недобрал сахара. Недостаток сахара вызывает раздражительность.

— Мы хотим семинары с супервизией. Я больше не приду на его занятие, если мне придется остаться с ним один на один! — Подбородок Керри слегка подрагивал.

— Настоятельно посоветую Рису на это согласиться. — Лила протянула ребятам банку с печеньем.

— Спасибо, — ответил Девон. — Вы говорили про какой-то обучающий курс?

Да, курс «Как не быть полным придурком». Именно такой Рису подойдет.

— Да, Девон, конечно. Я поговорю с Рисом и обязательно вам напишу, идет?

Они закивали и заулыбались — любо-дорого смотреть. Лила любила, когда все хорошо заканчивалось.

Студенты пошли к выходу, но Ада повернулась к ней с озорной улыбкой:

— Знаете, когда кто-то смотрит на вас дольше трех секунд, это значит, он или любит вас, или ненавидит.

Лила рассмеялась:

— Думаю, гадать тут нечего. Определенно ненависть.

— Как сказать. — Ада пожала плечами. — Все может быть.

Ничего не может быть. С Рисом Обри возможна только ненависть. Да, у него аппетитный подтянутый зад — и что с того? Что с того, что его валлийский акцент пробирает до косточек? Что с того, что она много раз воображала, как закусит его пухлую нижнюю губу...

Нет, Рис Обри не влюблен в нее и никогда не влюбится!

Лила съела печенье: ей нужно было подкрепиться и закинуться сахаром. Взяв пособие для сотрудников, пролистана его и открыла рубрику «Курсы для персонала». Рису не помешает пройти курс «Навыки лидерства», но начать стоит с пары других, которые она пометила.

Она сунула под мышку банку с печеньем. Печенье повышает настроение. Рису не навредят шоколадные вкусняшки, может, перестанет хмуриться. И быть таким ослом тоже перестанет.

Рис

Рис с треском захлопнул дверь кабинета.

Как смеет Лила Картрайт лезть в его дела? Она встречалась с его студентами без его ведома! Небось обсуждала его и его преподавательские методы. Это просто недопустимо. В его семейной компании такое ни за что не стали бы терпеть.

Но он больше не работал старшим менеджером в «Даллимор Интернешнл».

Рис сосредоточился на открытом документе на экране. Он выделил час до обеда, чтобы проверить заявку на членство

в Королевском историческом обществе. Ему стоило немалых усилий убедить профессора Пэйнтера порекомендовать его кандидатуру: несмотря на его новаторский вклад в изучение истории Анжуйской империи, у него было слишком мало научных публикаций.

Он раздраженно вздохнул и перечитал предложение. Пять лет он пытался плясать под отцовскую дудку, а отсутствие степени в научных кругах считалось большим минусом. Теперь ему было уже за тридцать, он еще не защитил кандидатскую, не написал ни одной книги, опубликовал лишь пару научных статей и две отдельные главы. Но он должен был произвести сильное впечатление на Королевское историческое общество, в противном случае...

Что будет «в противном случае», даже думать не хотелось.

Бессмысленно. Сосредоточиться никак не получалось. Слова сливались на экране. Он откинулся в кресле и устался в потолок. Черт бы подрал эту Лилу Картрайт и ее кабинет, где вечно пахнет печеньками. Теперь он проголодался, а до обеденного перерыва оставался еще час.

— Рис! — Лила влетела в его кабинет, даже не постучавшись. На ней была оранжевая блузка с рукавами-фонариками и желтая юбка; под мышкой она зажимала жестяную банку, а в руках держала тонкую брошюрку.

Его брови поползли вверх, но он опустил их усилием воли.

— Мисс Картрайт, — поздоровался он.

— Рис, прошу, зовите меня Лила! — Она улыбнулась, видимо надеясь, что он проникнется к ней доброжелательностью. Ну уж нет.

Лила Картрайт явно что-то против него задумала, и он хотел знать, что именно.

Он попытался вспомнить, приходила ли она в его кабинет раньше, но не смог. Она огляделась и остановила взгляд на семейном портрете Обри-Даллиморов, украшавшем картотеку.

Ее медлительность его раздражала. Он сложил руки на груди. Неужели она не видит, что он занят?

— Мисс Картрайт, что вы обсуждали с моими студентами?

Чем скорее он получит ответы на свои вопросы, тем скорее она уберется из его кабинета и даст ему продолжить запланированные дела.

Лила посмотрела на него так, будто забыла, зачем пришла. Какого балбеса угораздило взять ее на должность координатора кафедры? Таковую чудаковатую, легкомысленную и, скажем прямо, немного чокнутую.

— Вот. — Она бросила брошюру на свободный стул и открыла жестянку, которую держала под мышкой. — Угощайтесь печеньем. — Она с улыбкой подвинула к нему банку.

Рис усталился на нее. Какого лешего? Зачем она пичкает его печеньками?

Лила Картрайт была выше большинства его знакомых женщин — валлийки в целом не отличались высоким ростом, — но все равно не доходила ему до плеч. Ясными голубыми глазами и белокурыми локонами она напоминала ему кукол, что сидели у его сестры на полке. Вот только те куклы были лучше одеты. Она по-прежнему стояла перед ним с дурацкой и прелестной улыбкой на губах и ждала, что он возьмет печенье.

Что ж. Он закатил глаза, раздраженно вздохнул, взял печенье и откусил крупный кусок. Вскинул брови. Теперь она довольна?

— Это ваша семья? — спросила она, указывая на фотографию.

Она издевается? С каких пор она врывается к нему просто так с печеньем и заводит светские беседы? Сейчас, глядишь, еще достанет спицы и пряжу, и они начнут обмениваться схемами для вязания. Надо посоветоваться с ней по поводу чередования лицевых и изнаночных петель — рельефная вязка всегда получалась у него кривовато.